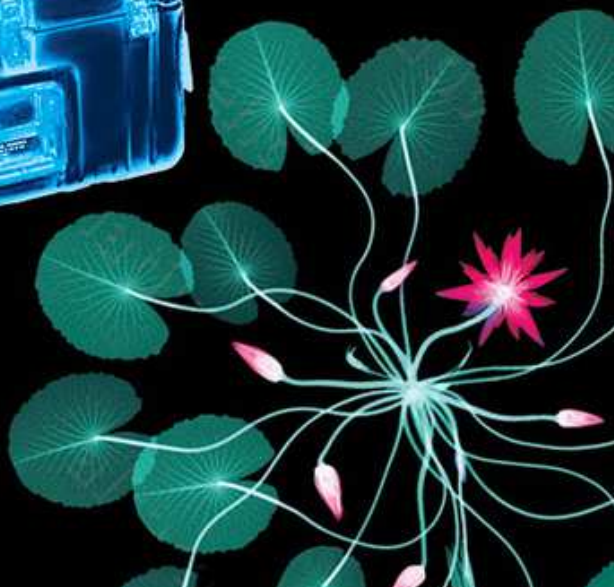

Врачебные [секреты]

Ирина Градова

ЛЕГЕНДА
О ЧУДОВИЩЕ

Ирина Градова
Вскрытие покажет
Серия «Врачебные секреты»
Серия «Сыщица в белом халате», книга 12

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955405
Вскрытие покажет : роман / Ирина Градова: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59073-5

Аннотация

У коллеги Агнии Тумановой в армии погиб сын Костя, и никто не собирается объяснять безутешной матери, что же произошло на самом деле. Часть, где он служил, вообще на плохом счету. За последний год там погибли минимум пятеро парней, причем тела троих из них прислали домой в закрытых гробах. Говорят, в этих местах промышляет неизвестное чудовище, нападающее на военнослужащих. Солдат после встречи с монстром находят практически выпотрошенными, зверь поедает все внутренности. Но самое удивительное – уникальный хищник нападает только на тех призывников, кто перед этим проходил полное медицинское обследование и сдавал анализы, которые чаще всего берут у доноров перед трансплантацией органов. Единственная возможность Агнии узнать всю правду – это поехать на место и разобраться, тем более есть подходящий кандидат на вакантное место призывника...

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Вскрытие покажет

Пролог

Аленка едва сдерживала радость и возбуждение: дедушка Петя давно обещал взять ее с собой на охоту, и вот наконец это произошло! Он взял именно ее, а не брата Саньку, хотя тот старше, да еще и мальчишка! Но Аленка гораздо лучше разбирается в звериных следах и повадках и умеет себя вести. С раннего детства девочка усвоила, что это умение – самое главное в тайге, если не хочешь распугать зверье или сам попасться кому-то на острый зуб. Аленка точно знала, что нужно делать, если вдруг попадется дикий кабан или, не дай бог, медведь. Правда, девочка никогда не встречалась ни с тем, ни с другим, но не сомневалась, что при случае вспомнит все дедовы уроки. Идя по лесу, нужно ступать как можно тише, не ломать ветки, а осторожно отодвигать их в сторону, чтобы потом они опять вставали на место. Еще Аленка знала, что, если охотников больше одного, желательно передвигаться след в след, а не рассыпаться по всей территории, везде оставляя запахи, могущие отпугнуть или, наоборот, привлечь того, кого не надо. Стрелять можно только тех животных, на которых открыт сезон охоты, и ни в коем случае нельзя убивать беременных или кормящих самок – хотя, пожалуй, такое могло бы прийти в голову Саньке, но никак не Аленке, даже если бы этого правила и не существовало, так как она любила зверей. Она жила в городе, с родителями, но только здесь, когда приезжала к деду на каникулы, чувствовала себя по-настоящему счастливой. Ее пленяла природа этого края: елово-пихтовая зелень тайги, заросли аралии, лимонника и дикого винограда и мирно покачивающиеся на поверхности прудов и озер огромные цветы розового лотоса. Здесь гнездились невероятное количество птиц – райская мухоловка, голубая сорока, фазан, утка-мандаринка, и водилась самая большая дневная бабочка России, хвостоносец Маака. Гималайский медведь, кабан, куница, дикий лесной кот и амурский тигр – вот лишь несколько видов животных, которые населяли это удивительное место. Правда, нынче встретить тигра – один шанс из тысячи, так как местные и китайские браконьеры практически извели этого красивого зверя. В Уссури обитало множество рыбы: желтощек, сом, красноперка, водящиеся только здесь белый и черный амур, китайский окунь аух и рыба-гигант калуга – всех видов не перечесать, и они с дедом частенько выбирались на рыбалку, где он учил девочку с братом премудростям рыбной ловли. Дедушка Петя, бывало, подшучивал над Аленкой, говоря, что ее, наверное, подбросил матери леший, потому что она не похожа ни на одного из родителей и собственного брата. Аленке нравилась эта история о лешем, как и другая, о ТОМ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. Это была очень-очень старая легенда, если верить дедушке Пете, и очень страшная. Он рассказывал ее Аленке и Саньке, когда они, сидя у теплой печки, пили горячий травяной чай, и они каждый раз просили деда повторять ее снова и снова, хотя слышали так много раз, что, пожалуй, знали наизусть. По словам старожил, в озере, неподалеку от Уссури, обитало чудовище. Говорили, оно приплыло из Китая. Эта версия выглядела вполне правдоподобно, учитывая близость к китайской границе. Чудовище вылезало из озера крайне редко, и никто его не видел и не мог описать, потому что каждый, кому довелось встретиться с ним, исчезал навсегда. Поговаривали, что чудовище выедает внутренности людей и животных, но почему-то брезгает их мясом. Когда в окрестных поселках пропадал скот, все валили на ТОГО, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. Около года назад в одном из поселков, что недалеко от заставы, пропал местный дурачок Борька. Искали его всем миром, даже пограничников подключили, но так и не нашли. С тех пор стали говорить, что чудовище и его утащило. Правда,

в эту сказку Аленка не верила. Она знала Борьку, и он как-то обмолвился о том, что хочет уехать из поселка в город. Наверное, он так и сделал в конце концов. Борьку не нашли, но не обнаружили и никаких следов того, что он побывал поблизости от озера, так что у девочки не осталось сомнений в том, что парень наконец-то осуществил давнюю мечту. Она была за него рада, хоть и не понимала, почему он так рвется оттуда, где она сама с удовольствием провела бы всю оставшуюся жизнь вместо того, чтобы жить в Хабаровске.

Подойдя к кромке воды, Аленка остановилась, держа в руках охапку валежника, который попросил собрать дед для костра. Он предупреждал ее не подходить близко к озеру, но Аленка почему-то не смогла удержаться. На самом деле она вовсе не собиралась идти к озеру, но потом, словно ведомая неизвестной силой, направилась прямо к нему. Сейчас ведь день, светит солнце, да и погранзастава рядом – что может случиться? В любом случае ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ, никогда не выходит на берег среди бела дня, так что Аленке ничто не угрожает, что бы там ни говорил дедушка Петя! Вода в озере была чистой, и она отчетливо видела камни на дне. Но это у берега. Аленка знала, что озеро, несмотря на свои обманчиво небольшие размеры, чрезвычайно глубокое. Кроме того, говорили о каких-то подводных пещерах, где и прячется ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. И еще интересная деталь: в воде никогда не видели рыбы – ни большой, ни маленькой. Местные жители утверждали, что так и должно быть, ведь чудовище слопало всю живность в озере, но Аленка сомневалась: либо человеческие внутренности, либо рыба, но не все вместе – это же не свинья, в самом деле!

Солнечные блики играли на безупречно гладкой поверхности, и Аленка засмотрелась на мирную картину, едва не выронив ветки. Но она положила их у кромки воды минутой позже, услышав за спиной странный звук. Он походил на хрюканье, но это не могла быть дикая свинья: Аленка точно знала, какие звуки она издает. Оглядевшись и никого не увидев, девочка двинулась к деревьям, откуда и доносился шум. Раздвинув ветки, она заглянула под сень густых кустов, за которыми высились ели. На нее из полутьмы взглянули желтые глаза. Взвизгнув, Аленка отшатнулась и едва не упала, но потом, уже задним умом, сообразила, что испугалась зря: это никак не мог быть ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ! Более того, теперь она поняла, кого увидела. Вернувшись к кустам, девочка вновь раздвинула ветки и уже без страха взглянула на неведомого зверя, при ближайшем рассмотрении оказавшегося овчаркой. Она была крупной, но вполне мирной – во всяком случае, пес даже не зарычал при виде девочки. Он что-то сосредоточенно копал, и рядом с ним уже образовалась внушительная насыпь.

– Хорошая собачка! – проговорила Аленка, приближаясь и с любопытством заглядывая в яму. – Что ты тут нашла, а?

По мере того как пес, не обращая на нее внимания, все выбрасывал лапами землю из ямы, взгляду Аленки открылись какие-то тряпки.

– Что это? – спросила она у собаки, будто и вправду ожидая, что та ответит. Но овчарка продолжала сосредоточенно копать.

– Аленка, ты где?! – услышала она встревоженный голос дедушки Пети.

– Я тут, деда! – отозвалась она. Собака при этом вскинула голову и подозрительно посмотрела в ту сторону, откуда донесся незнакомый мужской голос.

– Сколько раз я говорил тебе и близко не подходить к озеру! – сердито сказал пожилой охотник, продираясь через кусты. – Чего это ты тут...

Его вопрос так и остался незаконченным, а по лицу вдруг расплылось выражение такого ужаса, что Аленка, до этого стоявшая к яме спиной, вынуждена была обернуться, чтобы выяснить, что же так напугало ее бесстрашного дедушку. Овчарка, довольно урча, тянула зубами лоскут ткани цвета хаки, упираясь всеми четырьмя лапами в насыпь и пытаясь вытащить то, что все еще оставалось погребенным в яме.

– Господи святой! – пробормотал охотник, осенив себя крестным знамением. Раньше Аленка никогда не видела деда крестящимся – мама, когда сердилась на отца, говорила, что он не верит ни в бога, ни в черта. – Отойди-ка, Аленушка, – обратился он к внучке, не в силах отвести взгляда от представшего перед ним зрелища. – Беги на заставу! Найди капитана Руденчика или подполковника Крыласова и скажи, чтобы пригнали солдат. Да, и пусть лопаты захватят!

*Граница между Китаем и Россией
в районе Большого Уссурийского острова*

Поисковая группа прочесывала окрестности уже третьи сутки, но сегодня капитан Руденчик надеялся наконец закончить: утром они получили новые сведения о возможном местонахождении трех дезертиров, и не доверять этой информации оснований не было. Ее предоставил один из охотников, для которого лес – открытая книга. Кроме того, и так было ясно, что долго эти трое в лесу не продержатся. Если бы речь шла о старослужащих... Ха! Этот термин постепенно отходит в прошлое: кого, черт подери, можно назвать старослужащим, учитывая, что теперь в армию призывают всего на год?! Так вот, *старослужащие*, возможно, смогли бы пробегать и неделю, и две, а то и вообще добрались бы до железки или махнули в Хабаровск – и только их и видели. Но эти молокососы, всего месяц как из учебки, конечно же, не сумеют сами о себе позаботиться. Да чего уж говорить, ведь лес кругом, тайга, дикого зверья полно, а у них хоть и есть оружие, да обращаться они с ним толком не умеют! В сторону границы бежать бесполезно – китайцы их мигом сцапают, а то еще, не ровен час, пристрелят, как зайцев. Значит, пойдут по деревням. Беда в том, что деревень этих в округе пруд пруди, и везде найдутся добрые люди, которые согласятся приютить и обогреть беглецов, будь они неладны! Только бы не натворили дел, а то ведь с оружием шутки плохи. Вот полгода назад тоже двое сбежали, так чуть егеря не пристрелили – то ли по дурости, то ли со страху. Хорошо, он мужик ловкий оказался, да и стреляли они, мягко говоря, не слишком метко! Утром Руденчик чего только не наслушался от начальника заставы: можно подумать, он виноват, что из части народ утекает! Ну не хотят эти ребята служить, что тут поделаешь? Про контрактную армию только разговоры одни, а на деле ничего в этом направлении не делается. Что до капитана, так он обеими руками «за». Может, тогда солдаты солдатами будут, а не людьми, мечтающими лишь об одном – свалить с заставы как можно скорее. И плевать им на то, что китаезы только и ждут, чтобы граница ослабла! Они и так что ни месяц лезут сюда: тигров бьют, медведей – только успевай отлавливать! Да разве с таким контингентом, какой находится в распоряжении капитана, можно противостоять наглому браконьерству?

– Товарищ капитан, кажется, нашли – только их не трое, а двое!

Запыхавшись, подбежал сержант Строев. Руденчик с удовольствием окинул взглядом его приземистую, ладную фигуру и круглое веснушчатое лицо. Может, он и не похож на кинозвезду, зато армия для Строева – дом родной. Он-то точно не сбежит, а скорее всего, останется на сверхсрочную. Седьмой ребенок в многодетной семье, он мечтал о поступлении в военное училище, где больше никогда не пришлось бы думать о куске хлеба, а родное государство обеспечивало бы его всем необходимым, включая каждодневные инструкции о том, как следует жить. Таким, как Строев, нужны приказы и распоряжения, зато он отлично умеет их исполнять. В училище Строев не поступил, зато уж в армию рвался, как диссиденты прошлых лет не рвались за границу! И ему здесь нравится – капитан готов спорить на что угодно. Руденчик любил знать о своих подчиненных все, в отличие от начальника заставы – тот и любовников собственной жены затруднился бы назвать поименно, хотя вся округа знает, что Людмила Терентьевна – большая любительница мужчин в форме. Исклю-

чение составляют разве что ее собственный муж, полковник Акиншин, да сержант Теличин, самый старый военнослужащий на заставе.

– И где они? – спросил он Строева.

– Там, за оврагом, прячутся, – быстро восстанавливая дыхание, ответил парень, с обожанием глядя на командира. Еще не пожилой, но уже седовласый, стройный и подтянутый, Руденчик, так непохожий на обрюзгшего, лысеющего Акиншина, являлся для Дмитрия образцом для подражания – кадровый военный, не мыслящий жизни вне армии. С годами Строев надеялся стать похожим на этого человека и мечтал о том, что солдаты будут так же раболепно и беспрекословно подчиняться ему, как подчиняются капитану. Руденчик жесткий, но не жестокий; именно ему удалось наконец победить дедовщину, пышным цветом цветущую на заставе до его появления. И чего этим идиотам надо, спрашивается – какого черта они бегут отсюда, из этого благословенного, сытого и чистого места?! Опять же, природа кругом, леса, живность всякая – чем не рай?

– У них оружие, – предупредил капитан, когда поисковая группа находилась всего в двухстах метрах от беглецов. Они залегли в кустах и пытались уловить малейшее движение листвы и травы на той стороне оврага. Вода в овраге в это время года была достаточно глубокой, а дальше на несколько километров простирались болота. Если парни попадут туда, то вряд ли сумеют выбраться!

– Что делать будем, товарищ капитан?

– Постараюсь уговорить их сдаться, – вздохнул Руденчик, приподнимаясь.

– Нет, товарищ капитан! – попытался остановить его Строев. – А вдруг они палить начнут?

– Ну, если они не совсем спятили, думаю, не начнут, – ответил капитан. И, обращаясь к беглецам, громко крикнул: – Рядовые! Это капитан Руденчик! Предлагаю сложить оружие и выйти из укрытия – в этом случае я гарантирую вам честное разбирательство. Если вы сумеете внятно объяснить причину побега и она окажется уважительной, наказание будет не слишком суровым! В противном случае вас ожидает незавидная участь!

Ветки кустов на другой стороне оврага шевельнулись, словно кто-то пытался получше разглядеть говорящего.

– Сколько человек с вами, товарищ капитан? – раздался срывающийся голос, и Руденчик узнал его.

– Достаточно, чтобы скрутить вас, Бероев! – спокойно ответил он. – Не дурите, чего вы надеетесь добиться?

– Мы хотим, чтобы нас отправили в Хабаровск!

Это уже Макаров кричал.

– Именно туда вас и отправят для разбирательства, – ответил Руденчик.

– Вы можете гарантировать, что мы не останемся на заставе, товарищ капитан?

– Какого черта ты спрашиваешь, Макаров?

– Просто ответьте на вопрос!

– Вот засранец! – чертыхнулся Руденчик едва слышно. – На вопросы ему отвечай...

Ладно, отвечаю! – громко крикнул он. – Даю слово: вас отправят в Хабаровск!

На короткое время наступило затишье.

– Товарищ капитан, – вполголоса произнес Строев, – мы можем их обойти...

– Не надо, сержант, – покачал головой Руденчик. – Думаю, мы договоримся.

– Хорошо! – раздался крик с другой стороны оврага. – Мы выходим!

В этот момент раздался громкий шум за спинами капитана и его маленького поискового отряда.

– Какого черта... – пробормотал он, завидев подполковника Крыласова, за которым через лес ломились человек десять солдат. Такое впечатление, что эти люди только вчера

прибыли с гражданки и понятия не имеют о том, как себя вести на границе: они, похоже, считают, что находятся на экскурсии!

– Дальше мы сами, капитан! – рыкнул Крыласов, уперев руки в бока, полагая, что так выглядит более внушительно. При его невысоком росте и плотном телосложении он сильно проигрывал своему подчиненному и знал об этом. Руденчик даже в худшие свои дни выглядел как заправский вояка, а вот он, Крыласов, скорее напоминал владельца булочной с нависающим над ремнем животом, который, по идее, должен был не позволить ему сдавать спортивные нормативы, положенные для командного состава. Тем не менее он как-то справлялся. Все это промелькнуло в голове сержанта Строева при виде незваных гостей.

– Мы уже со всем разобрались, товарищ подполковник, – прошипел сквозь зубы Руденчик, разозленный неожиданным вторжением. – Ребята выходят.

– Это, товарищ капитан, не ребята, – делая ударение на последнее слово, авторитетно заявил подполковник. – Это – дезертиры, и они должны понести серьезное наказание!

– Сначала надо разобраться, почему они сбежали, – возразил капитан. – Бероев, конечно, бузотер, но вот Макаров – парень нормальный...

– Ваши нормальные парни, Михаил Богданович, удрали, избив часового и прихватив оружие! – перебил подполковник, не любивший, когда с ним начинали спорить. – Это – серьезное преступление, и еще надо выяснить, не натворили ли они чего похлеще! В общем, вы можете идти!

Тон Крыласова не оставлял других вариантов. Руденчик посмотрел на солдат, стеной стоящих за спиной подполковника. Все они являлись контрактниками – огромные, злые парни в форме, считающие, что им платят именно за свирепость. Капитан знал, что на его родной заставе планируется оставить только их и убрать срочников, так как начальство мечтает превратить ее в образцово-показательную. Но у Руденчика имелись свои соображения на этот счет. Он знал о ситуации в тех местах, где полностью перешли на контрактную основу, и она отнюдь не радовала. Контрактники месяцами отсутствовали в своих частях, а деньги и довольствие за них получало начальство... Э, да что тут говорить: все катится в тартарары, а он, Руденчик, ничего с этим поделать не может – вот как и с подполковником Крыласовым, которому он обязан подчиняться.

– Товарищ капитан? – раздался крик со стороны оврага.

– Подполковник Крыласов здесь! – отстранив рукой Руденчика, ответил вновь прибывший.

– Товарищ капитан, вы же обещали!

Голос Бероева сорвался.

– Капитан Руденчик отстранен! – рявкнул подполковник. – Теперь я здесь команду и требую, чтобы вы сложили оружие и вышли с поднятыми руками!

Бероев ничего не ответил. Дальнейшие попытки поговорить с дезертирами ни к чему не привели.

– Ну, сами виноваты, – пожал плечами Крыласов. – Давайте, ребята, как договаривались! – обратился он к сержанту Ожегову, здоровенному мужику со складчатым затылком.

– Есть, товарищ подполковник! – лениво отозвался тот. – Берем их, ребята!

Руденчик мог лишь стоять в сторонке рядом со Строевым, наблюдая за происходящим. Когда кольцо контрактников уже смыкалось за оврагом, почти одновременно раздалось два выстрела.

– Зачем они палят, товарищ капитан?! – испуганно спросил Строев, глядя на встревоженного Руденчика.

– Понятия не имею... Идиоты! За мной, сержант!

Подбегая к краю оврага, капитан уже представлял, что его ожидает. Тем не менее вид тел двух ребят, с которыми он только что разговаривал, произвел на него неизгладимое впе-

чатление: Руденчик не сомневался, что до конца жизни это зрелище будет стоять у него перед глазами вечным укором.

– Зачем?! – спросил он, поднимая глаза на Крыласова. Тот, похоже, и сам был ошарашен не меньше капитана.

– Что – зачем? – пробормотал он. – Это не мы стреляли!

– Вы хотите сказать, что они – сами?..

– Да, черт подери – застрелили друг друга! И где, мать его, Кочарян?!

Арсен Кочарян был третьим в группе беглецов.

– Что делать-то, товарищ подполковник? – спросил сержант Ожегов.

– Что делать, что делать... А вот что: никакого побега не было.

Как ни потрясен был Руденчик случившимся, но слова Крыласова действовали на него не хуже холодного душа.

– Как... не было? – переспросил не менее озадаченный сержант.

– А вот так. Произошел несчастный случай... во время выполнения... учебного задания! – сочиняя на ходу, ответил подполковник. – Солдаты Бероев и Макаров неправильно обращались с оружием, в результате чего и случилась трагедия. Всем ясно? – спросил он, обводя грозным взглядом присутствующих.

Но тут Руденчик заметил нечто, заставившее его подойти поближе.

– Несчастный случай, говорите? – пробормотал он, склоняясь над одним из тел. – А вот это – как вы объясните?

* * *

Я знала, что рано или поздно придется что-то решать. Сама мысль о том, что я неожиданно забеременела в сорок лет, казалась бы мне забавной, если бы не влекла за собой такое количество проблем. И главная из них – я понятия не имею, кто отец. Вот уж не представляла, что когда-нибудь буду чувствовать себя развратной женщиной, не знающей, от кого ее дети! *Такие* женщины неразборчивы в связях и готовы лечь в постель с каждым, кто предложит. И вот я сама оказалась в ряду особ, которых осуждала. А ведь до недавнего времени я была, если так можно выразиться, «женщиной одного мужчины» – своего мужа Славки, с которым мы родили замечательного сына Дэна. Потом, в силу определенных несчастливых обстоятельств, у меня появился первый в жизни любовник, хирург Роберт Караев. Славка ударился в бег от кредиторов, я оставалась совершенно одна, без помощи и поддержки, а Роберт хоть и не являлся мужчиной моей мечты, но все же в некотором роде опекал меня. Почти два года я находилась в подвешенном состоянии, пока наконец Славка не вернулся – в самый тяжелый для меня момент. Именно тогда я познакомилась со своим нынешним мужем Олегом Шиловым. Славка тоже времени зря не терял и успел обзавестись девушкой, которая родила ему ребенка. В целом дело завершилось к обоюдному удовольствию, поэтому расставание прошло безболезненно¹. Мы со Славкой отлично общаемся, но он все еще чувствует себя виноватым и считает своим долгом каждодневно «искупать вину» перед сыном, поэтому уже купил Дэну квартиру и машину. С Олегом мы поженились вскоре после знакомства. Я считала себя счастливой. И не только я одна – и мама, и все мои подруги, включая лучшую и самую дорогую подружку Лариску, так полагали. А потом я поняла, что влюбилась в Андрея Лицквичуса, моего начальника по ОМР, Отделу медицинских исследований. Наше знакомство началось с серьезного противостояния: сказывалась разница в характерах. Тем не менее по мере общения мы нашли много точек соприкосновения, но, признаться, я никак не ожидала, что мое уважение приведет к такой развязке! Я ни за что не позволила бы ничему

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».

произойти между нами, но Шилов попался на измене. Скорее всего, я сама была в этом виновата – мы начали отдаляться друг от друга, так как я слишком много времени стала посвящать расследованиям в ОМР и общению с коллегами, позабыв о том, что у Олега имеются собственные потребности. И все же именно он изменил мне *первым*! Я убедилась в этом и только тогда, как пишут в женских романах, упала в объятия Андрея (боже, как пафосно!). Олег тем временем вдруг стал вести себя как образцовый супруг – все говорило о том, что он прервал свою связь с московской пассией, которая и сосватала ему, ранее заведующему отделением ортопедии и травматологии в моей больнице, должность директора питерского филиала столичной клиники «Авиценна». Я не пыталась выяснить наверняка, перестали ли они встречаться, тем более что Олег частенько мотается в столицу нашей родины в командировки, но Шилов дал мне понять, что планирует жить со мной долго и счастливо. В доказательство этого он купил недвижимость – прекрасный двухэтажный дом в том самом месте, где я всегда мечтала, – в Шувалово-Озерковском районе. Я непременно порадовалась бы этому приобретению, если бы как раз в тот момент не получила предложение о замужестве от Андрея. И вот новый удар – беременность! Олег мечтал о ребенке, но я никогда не поощряла его в этом желании, так как не собиралась его удовлетворять. Во-первых, я считала, что вышла из детородного возраста, о чем красноречиво свидетельствовал тот факт, что, не предохраняясь ни с одним из мужчин, со времени рождения Дэна я ни разу не забеременела. И вот на тебе! Все же оставалась маленькая надежда на то, что аптечный тест выдал ошибочный результат, поэтому я, подумав с недельку, все же сдала анализы в лабораторию. Ответ потряс меня едва ли не больше, чем в первый раз: я действительно беременна, причем гораздо дольше, чем ожидала, – почти десять недель. А я-то переживала, что в последнее время набрала пару килограммов – вот тебе и объяснение! И что теперь делать? Решение напрашивалось само собой: я должна остаться с мужем и забыть об Андрее. Мысль об аборте никогда меня не посещала, но сейчас, спрашивая себя, имею ли право рожать этого ребенка, я напоминала себе об обстоятельствах его зачатия. Мы встречались с Андреем, но я не прекращала отношений и с Олегом, так что теоретически ребенок мог быть от любого из них.

Все эти мысли проплывали в моем мозгу, пока руки автоматически выполняли привычную работу. На столе лежала пациентка, оперировавшаяся на предмет замены коленного сустава. Сегодня ведущим хирургом выступал Павел Бойко, протезе Шилова. В мою бытность любовницей Роберта Караева, также работавшего в отделении травматологии, никому, кроме него, не было позволено проводить высокотехнологичные операции. Это было связано и с деньгами, и с престижем. Когда Шилов стал заведующим, он изменил порядки, чтобы дать дорогу молодым и способным хирургам проявить себя и, чего уж скрывать – заработать. Павел оказался самым талантливым из его учеников, и теперь я чаще всего работаю именно с ним. Пациентка весила килограммов сто двадцать. Хирурги вообще не любят полных больных, но ортопеды-травматологи – особенно. Частенько условием для проведения операции по замене сустава является сбрасывание определенного количества кило, иначе искусственный сустав просто не выдержит большого веса. Кроме того, сразу после операции необходимо ставить пациента на ноги и разрабатывать сустав, а полные больные обычно малоподвижны. Вот и на лице Павла сейчас я читала раздражение: добраться до кости сквозь плотный жировой слой было не так-то легко! В самый решающий момент я вдруг заметила, что зрачок пациентки реагирует на действия Павла. Мы, как обычно, применяли регионарный наркоз, а не общий, поэтому больная не находилась в отключке. Тем не менее она не должна была испытывать никаких болевых ощущений. Поверх маски я взглянула на свою анестезистку. Алевтине Макаровой чуть за пятьдесят. У нее отличная семья – любящий муж, трое детей, один из которых сейчас в армии. Мы работаем с Алевтиной уже пять лет, и у меня никогда не возникало к ней ни малейших претензий: она исключительно аккуратный

и грамотный специалист. Однако в последние несколько дней я ее просто не узнавала. У женщины все валилось из рук, она стала рассеянной и невнимательной.

– Алевтина, что происходит? – шепотом спросила я, косясь на Павла, который пока еще не почувствовал, что что-то не так.

Она подняла на меня пустые глаза.

– А что, Агния Кирилловна?

– Наша пациентка сейчас кричать начнет, вот что! – рявкнула я.

В ужасе Алевтина взглянула на столик для медикаментов.

– Ой!

Мне не понравился этот ее возглас.

– Немедленно вводите еще пять кубиков! – сказала я, едва сдерживая гнев.

Алевтина молча выполнила мое требование.

– Агния Кирилловна? – поднял брови Павел, глядя в нашу сторону, встревоженный шушуканьем.

– Все в порядке, Паша, – отозвалась я, безмятежно улыбаясь. – Никаких проблем!

Через час, выскочив из операционной, я налетела на Алевтину.

– Что вы делаете-то, а? – спросила я, рывком разворачивая женщину к себе лицом от раковины, над которой она склонилась, чтобы вымыть руки. – Мы чуть тетку не угробили!

– Простите, Агния Кирилловна! – залепетала она, вся красная как рак. – Ради бога, извините...

– Извините ее! – не унималась я. – Скажите спасибо, что она толстокожей оказалась... Какую дозу вы вводили?

– Я виновата, – пробормотала анестезистка, опуская глаза. – Ошиблась с дозой...

– Ошиблась! Что с вами происходит в последнее время? Если вы больны, то садитесь на больничный, в конце концов, но это же не повод резать по живому!

Неожиданно Алевтина закрыла лицо руками и разрыдалась, качаясь из стороны в сторону, словно липа на ветру. Павел, собиравшийся снимать перчатки, оторопел.

– Что случилось? – спросил он, выпучив глаза.

– Ничего, Паша, – ответила я, беря Алевтину под руку и подталкивая в сторону выхода. – Небольшой срыв – бывает.

Отделение анестезиологии и реанимации располагается сразу над операционными. Поднявшись на один этаж, мы дошли до ординаторской, где в этот момент никого не оказалось, и я налила анестезистке воды из стоящего у стены кулера.

– Вот, – сказала я, протягивая ей стакан. – Пейте и рассказывайте!

Зубы Алевтины стучали по краю стакана, и она не сразу смогла сделать глоток. У нее ушло несколько минут на то, чтобы выпить половину жидкости, и все это время я терпеливо ждала. Злость моя постепенно испарилась. Возможно, у Алевтины случилось что-то серьезное, иначе она вряд ли допустила бы ошибку при операции.

– Мой Кости-и-ик! – давясь водой, проговорила анестезистка. – Кости-и-ик... по... поги-и-иб!

– Что-о?! Но он же... Он же в армии был?!

– Вот именно, чтоб бы-ыл! – завывала Алевтина. – Во вторник получила извещение из военкомата, а на следующий день они гроб доставили-и-и...

– Но как же это произошло?!

– Сказали – несчастный случай во время учений...

Алевтина больше не могла говорить, и мне пришлось сесть рядом и обнять ее, как беспомощного ребенка. Я прекрасно понимала, что она должна чувствовать. Что, если бы мой Дэн... Нет, об этом даже думать нельзя! Конечно, у Алевтины еще две дочки, но Костик всегда был ее любимым сыночком, ее надеждой и опорой. Я знала паренька – он иногда встре-

чал мать после работы. После школы поступил в медицинское училище, успешно отучился год, призвался в армию... И вот теперь он мертв!

Плечи Алевтины все еще вздрагивали, но слезы уже иссякли.

– Спасибо вам, Агния Кирилловна, – пробормотала она, утирая подолом халата распухшие глаза.

– За что?

– За то, что выплакаться дали... Дома-то нельзя – все на меня смотрят, как будто я могу что-то изменить... А я еле ноги передвигаю! И простите меня, если можете: больше такое не повторится!

– Может, вам взять отпуск?

– Нет, Агния Кирилловна, я не могу! – затрясла она головой. – Мне сейчас дома быть нельзя – я лучше тут...

– Когда похороны?

– Завтра... Я взяла день за свой счет.

– Как же я-то ничего не знала?!

– А я не распространяюсь – зачем? Помочь мне все равно никто не сможет, а разговоры за спиной...

– Конечно, конечно, я все понимаю, – закивала я. – Во сколько похороны?

* * *

– Представляешь, они ничего не объясняют! – возмущенно жаловалась я Олегу, за обе щеки уплетая вегетарианские котлеты. Стыдно сказать, но я была голодна, как волк. Кажется бы, после рассказа Алевтины о гибели сына аппетит должно напрочь отбить, а я вот лопаю – видимо, все дело в беременности.

– Ты давай с болтовней завязывай, – посоветовал Олег, подкладывая на мою тарелку еще пару теплых, пышных котлеток. – А то подавишься!

Надо что-то делать с этим постоянным чувством голода, а то Олег, не ровен час, догадается о моем интересном положении! Этого никак нельзя допустить, ведь я еще не решила, оставлять ли ребенка.

– С военными всегда так, – произнес он через несколько минут. – Никогда не говорят правды. У них так принято.

– У Алевтины *ребенок* погиб! – воскликнула я, прожевав. – Они могли бы, по крайней мере, вызвать ее и дать разъяснения. Вместо этого они выслали ей письмо о том, что берут на себя все расходы по похоронам – и все, представляешь?!

– Очень даже представляю! – кивнул Шилов. – Наверняка напортачили, а признаваться ни за что не станут. Забирают парней у родителей, а потом возвращают ногами вперед!

Шилову не понаслышке знакомо чувство потери ребенка: несколько лет назад его маленькая дочка от первого брака утонула в аквапарке из-за недосмотра матери. Если ребенок от Олега, а я сделаю аборт, не будет ли это преступлением?

– В каких войсках он служил? – спросил Олег.

– В пограничных.

– На финской границе?

– Не-а, на китайской. И что же там такого могло произойти, что все как воды в рот набрали? Может, случилось что-то, о чем они рассказать не могут? Скажем, вооруженный конфликт с противоположной стороной? Но разве об этом не сообщили бы в СМИ?

– Если это военная тайна, то нет. Брось, Агния, ты все равно не сможешь ничего выяснить! – махнул рукой Шилов. – Да и оно тебе надо?

– Шилов, я работаю с Алевтиной уже несколько лет, она мне не чужая!

– Вот в том-то и беда, – поморщился он. – До всего тебе есть дело, Агния! Ну, я понимаю, когда ситуация касается друзей и родственников – тьфу-тьфу-тьфу, конечно, – но ты же не можешь переживать за каждого!

Шилов не одобряет мою работу в ОМР. Мы с самого начала договорились, что он не станет мне мешать – в конце концов, я независимая женщина, имеющая право выбирать, чем заниматься, но Олег не мог притворяться, что ему нравится моя вторая работа.

– Мне пойти с тобой? – спросил он, когда я не ответила на его реплику. Я видела, как ему не хочется этого делать, и произнесла:

– Не нужно. Ты уже не работаешь в больнице, да и Алевтина будет в таком состоянии, что и не заметит твоего появления!

Олег выглядел расстроенным. Вероятно, ему показалось, что я намеренно провожу черту между ним и всем, что касается меня и его прежнего места работы. Может, хоть и неосознанно, я именно это и делаю?

* * *

Наверное, трудно найти человека, который любил бы кладбища, но я прямо-таки кожей ощущаю холод, идущий от надгробий, выстроившихся по обе стороны от проходов. Здесь хоронили папу. Было это почти двенадцать лет назад, и я не ожидала, что с тех пор полегло такое дикое количество народу! Кресты и плиты растут как грибы после дождя – воистину, нужно побывать на кладбище, чтобы осознать масштабы и скорость, с которой вымирает население нашего города!

На похороны Костика Макарова собралось много людей – в основном родственники, конечно, но были здесь и коллеги с работы мужа Алевтины, друзья ее дочерей, и только я – из нашей больницы. Я не заметила ни одного человека в военной форме – значит, представитель от военкомата не счел нужным явиться. Алевтина рыдала, прижавшись к мужу, который, видно, до сих пор не осознал смерть единственного сына.

– Ужасно вот так терять детей, – раздался тихий голос за моей спиной. – В мирное-то время!

Обернувшись, я увидела немолодую худую женщину с темными с проседью волосами в черном костюме. Она выглядела не слишком ухоженной, но лицо ее было решительным и жестким.

– Вы – родственница Алевтины? – поинтересовалась я.

– Нет, я – ее коллега. А вы?

Женщина полезла в сумочку и, достав оттуда карточку, протянула ее мне.

– «Инга Рафаиловна Шацкая, председатель Комитета солдатских матерей Санкт-Петербурга», – прочла я вполголоса. – Вас прислало какое-то военное начальство?

На самом деле я понятия не имела о том, чем занимается Комитет солдатских матерей. По телевизору я порой слышала, что «на заседании чего-то там присутствовали представители Комитета солдатских матерей» или «Комитет солдатских матерей выражает протест по поводу чего-то там» – и все.

– Я не имею к военному начальству ни малейшего отношения, – как мне показалось, с легким оттенком презрения ответила Шацкая. – Напротив, я нахожусь здесь *вопреки* всякому военному начальству.

– То есть?

– Насколько близки вы с матерью погибшего мальчика? – вместо ответа задала она вопрос. – Понимаете, мне бы, конечно, с ней поговорить надо, но она сейчас в таком состоянии...

– Вы правы, – кивнула я. – Лучше со мной. А с Алевтиной мы хорошо знакомы – она моя анестезистка в больнице, и Костика я знала лично.

– Вы – врач? – уточнила Шацкая, и в ее тоне я уловила неподдельный интерес.

Я подтвердила.

– Что ж, это даже к лучшему! Что скажете, если после похорон мы присядем в каком-нибудь уютном месте и поболтаем?

Я была заинтригована, поэтому сразу согласилась. После похорон муж Алевтины пригласил всех присутствующих к ним домой, но я отказалась, мотивировав это тем, что опаздываю на работу. В действительности операций у меня в тот день не было, но Алевтина об этом не знала.

– Вы на машине? – спросила Инга.

– Нет, приехала с Алевтиной на автобусе прямо из морга.

– Тогда – прошу в мою колесницу!

У Инги оказалась серебристая «Ниссан Микра», выглядевшая снаружи гораздо меньше, чем была внутри.

– Итак, – сказала я, когда мы уселись в симпатичном уличном кафе, у которого она притормозила, – о чем вы хотели поговорить?

– Что вам известно об обстоятельствах смерти Костика Макарова?

– Да ничего, собственно, – ответила я. – Алевтина в шоке от того, как с ней обошлись: прислали какую-то отписку, что якобы парень погиб во время учений из-за неосторожного обращения с оружием – и все. Даже на похороны никого не прислали!

– Выглядит подозрительно, не находите?

– Как и все, что связано с вооруженными силами, – согласилась я. Мне показалось, что Инга сейчас выдаст очередную теорию заговора – вроде убийства Кеннеди и таинственных кругов на злаковых полях. Однако мой интерес она уже порядком разожгла.

– Наша организация как раз занимается такими случаями, – сказала Инга. – Вы в курсе, что Константин Макаров служил вместе с Федором Бероевым?

– Н-нет, честно говоря, – покачала я головой. – Но Алевтина наверняка его знает.

– Наверняка, – кивнула Инга. – Ведь они были друзьями. И погибли, между прочим, в один день.

– Что-о-о?!

– Я вам больше скажу, – явно довольная моим замешательством, продолжала она. – Обстоятельства гибели ребят – тайна, покрытая мраком. Следствие проводила военная прокуратура и, кто бы сомневался, вынесла свой вердикт: несчастный случай на стрельбах! Но мамаша Бероева оказалась не лыком шита. Она работает в прокуратуре и всех на ноги подняла – выяснила-таки, что в последнее время на той заставе, где ребята служили, подозрительно часто гибнут или пропадают призывники. Собрать все факты воедино не так-то просто, ведь все они из разных городов и сел, а сама Бероева, хоть и кремень-баба, но все же мать, потерявшая сына... Короче, она ко мне обратилась, через общих друзей, передала данные, которые удалось собрать, и попросила заняться этим делом. Вот я и начала с Макарова, потому что они с Бероевым вместе служили. Думала, может, мать его сможет что-то пояснить?

– Мне думается, что обеим матерям прислали одинаковы послания, – вздохнула я. – И Алевтина – не тот человек, который сумеет противостоять огромной военной машине. Посторонним вход за этот забор из колючей проволоки заказан!

– То-то и оно, – закивала Инга, найдя во мне единомышленника.

– Вы сказали, что есть и другие жертвы? – внезапно вспомнила я ее же собственные слова. – Кроме Костика и того, второго мальчика?

– Точно – как минимум трое.

– Трое?!

– Это только за последние пару лет, – уточнила она.

– И все на одной заставе?

– Да.

– Значит, вместе с нашими двумя уже пятеро выходит?

– И, заметьте, мы еще, возможно, не обо всех знаем!

– А те трое ребят как погибли?

– Пока ничего толком выяснить не удалось, ведь Анна, мать Бероева, совсем недолго занималась этим – в перерывах между подготовкой к похоронам!

– А у вас есть имена и адреса других матерей?

Инга внимательно посмотрела на меня.

– Знаете, Агния, – сказала она задумчиво, – на самом деле это я собиралась задавать вам вопросы, а вы как-то незаметно перехватили инициативу!

– Простите, профессиональная привычка сказывается.

– Как это – профессиональная? Вы же говорили, что работаете в больнице? – подозрительно нахмурилась женщина.

Пришлось рассказать председателю Комитета солдатских матерей о том, чем я занимаюсь, помимо врачебной деятельности.

– Отдел медицинских расследований, значит? – переспросила она, когда я закончила. – Интересно! И что, успешно работаете?

– Как посмотреть, – скромно ответила я. – Во всяком случае, за несколько лет нам удалось привлечь к ответственности достаточно врачей и околomedических работников, точно так же, как и оправдать невиновных медиков.

– Удивительно, что из всей толпы людей на кладбище я подошла именно к вам! – заметила Шацкая. – Может, это судьба? Как насчет того, чтобы вместе потрудиться?

– Честно говоря, просто не представляю, чем вам может помочь ОМР? Если бы речь шла о медицинской проблеме – тогда мы непременно взяли бы за нее, но армия...

– Неужели у вас нет в этой среде никаких полезных знакомств? – не поверила Инга.

Я сразу же подумала об Андрее. Отставной полковник медицинской службы, он, конечно же, имел кучу друзей среди военнослужащих, но ведь под вопросом один-единственный военный округ, более того – одна-единственная застава! Кроме того, я знала, что Андрей в отъезде: две недели назад он по телефону сообщил мне о том, что уезжает с лекциями в Калифорнийский медицинский колледж и оставляет Отдел на меня. Правда, он также добавил, что по всем вопросам его можно беспокоить в любое время дня и ночи по скайпу или по телефону, но как, черт подери, он смог бы помочь, находясь на другом конце земного шара? И тут я вспомнила о Никите. Конечно, он ведь служил с Андреем и как-никак вхож в круг военных!

– Я могла бы попытаться, – проговорила я наконец, видя, что Инга не сводит с меня внимательного взгляда. – Давайте продолжим наводить справки, вы по своим каналам, я – по своим. Через пару-тройку дней созвонимся, идет? Может, у нас появятся какие-нибудь новые сведения.

– У вас есть дети? – вместо ответа поинтересовалась Шацкая.

– Сын. Ему двадцать. Но в армии Дэн не служил, потому что поступил в институт, – тут же добавила я, предвосхищая ее следующий вопрос.

– Вам повезло, – глухо произнесла Инга. – Лучше рожать девочек!